

ИДЕЯ АРЕНДЫ В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАЧИНАНИЯХ ЛЬВА ТОЛСТОГО 1857 г.

Ю. И. Красносельская
(Москва)

Взаимосвязь философско-религиозных идей Л. Н. Толстого и художественных мотивов и образов его ранних произведений кажется толстооведам чем-то бесспорным¹; зависимость же его хозяйственных начинаний от «духовных» исканий еще требует внимательного изучения. Предметом нашего рассмотрения в настоящей статье будет один из примеров подобной зависимости: мы продемонстрируем, как анализ неудачных практических начинаний Толстого второй половины 1850-х гг. позволяет тем не менее выявить общую философскую идею, определяющую его поведение и мировосприятие в это время, и прояснить его политическую позицию.

I

Основой для наших построений стало наблюдение о сходстве – на первый взгляд, чисто внешнем – двух проектов Толстого, вынашиваемых им практически синхронно: оба относятся к осени 1857 г. Это, во-первых, проект аренды у Н. А. Некрасова журнала «Современник», а во-вторых – проект лесонасаждения по всей России и в виде опыта в Тульской губернии.

О первом мы узнаем из письма А. А. Фета В. П. Боткину от 29 ноября 1857 г.: «Еще план Толстого. Он хочет тебе писать о своем негодовании на редакцию Современника, которая увлеклась в свою очередь губительным для художества полицейским направлением Щедрина с братией. Это убьет вкус и занавозит головы публики.

---

¹ Из числа наиболее авторитетных исследований можно выделить: Густафсон 2003; Орвин 2006; Medzhibovskaya 2008.

Поэтому Толстой мечтал купить Современник, оставить в нем Островского, Тургенева, себя, забрать еще меня и передать тебе его чисто художественную редакцию, отстраняющуюся от всяких нехудожественных целей. Он уверен, что успех был бы и моральный и вещественный – именно потому, что последний стоял бы на втором плане. Фактически <?>: искусство для искусства: но увы! это только прекрасная химера, ты верно не возьмешь на себя этого труда. Только одного я не понимаю, для чего Толстой хочет, чтобы этот журнал был именно Современник, переведенный в Москву, за который надо платить прежнему редактору ежегодно 3 *тысячи*, да теперешним, как они хотят, по 3, итого 9-ть. Была бы живая мысль, а будет ли она прикрыта тем названием или другим, это все равно» (Литературное наследство 2008: 238).

Напомним, что это письмо пишется в эпоху стремительного и уже необратимого идеологического размежевания внутри «Современника». Толстой в это время сближается со сторонниками «чистого искусства» – А. В. Дружининым, Боткиным, Фетом и пытается бороться с радикализацией журнала, в котором он в 1852 г. блистательно дебютировал и в котором в 1857 г. тон задавал уже ненавистный ему Н. Г. Чернышевский. В настоящей работе нас будет интересовать хозяйственно-финансовая сторона этой борьбы, а именно конкретные шаги Толстого по переводу «Современника» «на себя»². Видимо, планы выкупа журнала носили не совсем умозрительный характер, коль скоро Толстой даже обсуждал с Некрасовым и И. И. Панаевым цену сделки³. Цифры, приводимые Фетом, кажутся вполне достоверными: в 1846 г. Некрасов и Панаев взяли журнал в аренду у П. А. Плетнева с обязательством уплачивать по 3 тыс. руб. ежегодно. Такая же сумма фигурирует и в толстовском проекте уплаты «прежнему редактору»;

---

² О проекте выкупа «Современника» см. также: Краснов 1976: 115–126; Литературное наследство 2008: 165–166; Мельгунов 1984: 178–188.

³ 21 декабря 1857 г. Е. Я. Колбасин, сообщая Тургеневу об идее Толстого и Фета издавать в Москве новый журнал, указывал, что об этом он узнал тоже от Некрасова. См.: Тургенев и круг «Современника» 1930: 343.

такую же, что вполне логично, потребовали для себя и редакторы «теперешние».

Таким образом, Толстой предполагал даже не столько купить «Современник», сколько взять его в долгосрочную аренду. Слово «купить» в письме Фета обусловлено, скорее всего, тем, что после заключения договора Некрасов с Панаевым переставали бы контролировать направление «Современника», как не контролировал его Плетнев, и превращались из полноправных редакторов в номинальных. Надежда на возможность такой сделки диктовалась, вероятно, тем, что осенью 1857 г. слухи о «падении» «Современника» и охлаждении к нему Некрасова и правда ходили в литературских кругах. Намерение Некрасова издавать новое популярное издание – газету «Правда» – было воспринято как желание отказаться от той «серьезной» литературной программы, которую проводил «Современник». 5 (17) ноября 1857 г. Боткин сообщал Фету: «Современник решительно беднее и слабее всех: судя по этому я думаю, что в будущем году подписка на него должна сильно уменьшиться. Вероятно, чувствуя это, Некрасов и заводит себе новый журнальчик, который будет несравненно более по его средствам, нежели Современник» (Литературное наследство 2008: 224).

Заметим, что, когда спустя десятилетие Некрасов будет обдумывать прекращение журнала или передачу его молодым сотрудникам (см.: Макеев 2009; Мельгунов 1984: 178–188), он выдвинет сходные условия аренды у него «Современника»:

«Я готов передать “Современник” с арендную платою по 9 т<ысяч> руб <лей> сер<ебром> в год, с тем что арендатор берет на себя долг журнала, а я устраниюсь от личного участия как по редакции, так и по изданию журнала.

Через десять лет арендатор освобождается от всякой платы мне и издает журнал исключ<ительно> в свою пользу.

Кроме означен<ных> 9 т<ысяч> арендатор должен принять на себя обязательство по контракту с г. Плетневым, т.е. просто контракт будет переведен на арендатора, который обяжется мне выплачивать г. Плетневу ежегодно 3 т<ысячи> руб<лей> с<еребром>» (Некрасов 1997: 255–256).

Бесспорно, толстовский план захвата журнала и идеологически, и экономически отличался от плана Ю. Г. Жуковского, М. А. Антоновича и Г. З. Елисеева (см.: Макеев 2009: 180), да и требования Некрасова к этому времени существенно возрастут (9 тысяч вместо прежних 3). И все же этот проект свидетельствует о расположении Некрасова к арендной форме передачи журнала другим лицам (по крайней мере, на первое десятилетие) и косвенно подтверждает, что какие-то переговоры с Толстым в 1857 г. действительно имели место.

Второй проект был еще более масштабным. Поскольку нам уже приходилось писать о нем, то, отсылая за более полной характеристикой к своей старой работе и другим исследованиям по данному вопросу (см.: Брынзов 1992: 200–205; Красносельская 2008; Семенов 1954; Costlow 2003: 91–118), напомним вкратце историю его создания и основные положения. Он был задуман, очевидно, в сентябре 1857 г. (см.: Толстой 1937: 218), а спустя месяц Толстой уже сообщает о нем Боткину и Тургеневу: в письме от 21 октября 1857 г. он пишет, что «затеял большое предприятие с казной касательно лесов, которое очень занимает меня» (Толстой 1949: 233). На другой день Толстой приезжает в Петербург, чтобы представить составленный им проект лесонасаждения в Министерство государственных имуществ. Очевидно, что именно во время этого недолгого визита в Петербург и должен был состояться разговор с Некрасовым относительно аренды «Современника». В дневнике Толстого этого времени о встречах с Некрасовым, министром государственных имуществ М. Н. Муравьевым и его товарищем А. А. Зеленым говорится, что называется, «через запятую»:

22 октября – «Утро к Министру, видел Зеленого и почему-то смутился. К Некрасову, тяжел».

23 октября – «Опять Зеленый. Дело туго идет. <...> Обедал у Некрасова» (Толстой 1937: 160–161).

В чем же состоял толстовский проект, который, судя по дневнику, ему не удалось убедительно представить в Петербурге? Согласно ему, один из отделов лесного хозяйства – «лесонасаждение или обсеменение», в настоящий момент состоящий в ведомстве

правительства, передавался в аренду вольным промышленникам. По мнению Толстого, это позволило бы сделать эту убыточную при государственном владении отрасль рентабельной. Предприниматель, получая под залог вырубленные участки с остающимися на них пнями на срок от 7 до 9 лет, обязывался очистить землю и засадить ее саженцами, после чего сдать обратно в казну (Толстой 1935d: 259–261). Для начала Толстой предлагал провести такой эксперимент в рамках Тульской губернии начиная с 1858 г. и в продолжение 18 лет (т. е., очевидно, двух десятилетий).

Этот проект озадачил друзей Толстого даже больше, чем план перекупки «Современника». П. В. Анненков в письме И. С. Тургеневу от 16 ноября 1857 г. остроумно и точно комментировал его: «На днях уехал отсюда Толстой, пробыв недельку. <...> Он приезжал показывать знатым господам свой проект заселения всей России лесами, причем для опыта просит отдать ему в аренду одну четверть ее» (Анненков 2005: 61).

Таким образом, описанные проекты оказывались сходными не только в экономическом отношении – их роднила и характерная для Толстого грандиозность. Не удивительно, что и судьба их оказалась печально сходной – проект аренды «Современника» был оставлен, а проект лесонасаждения, рассмотренный в январе 1858 г. Специальным Комитетом по Лесной части МГИ, отклонен (см.: Гусев 1938: 264).

Однотипность и синхронность «арендаторских» замыслов заставляет задуматься о возможных причинах обращения Толстого к такой форме экономических отношений. Лежащее на поверхности объяснение состоит в том, что, хотя недостатка в амбициозных планах общественного переустройства у Толстого никогда не было, в 50-е гг. у него не было и реальных возможностей для их осуществления. Жалобы на безденежье не раз звучат в дневнике 1857 г.: так, в сентябре Толстой активно занимается хозяйством и даже приобретает участок казенного леса, но тем не менее отмечает стесненность в средствах (см.: Толстой 1937: 155–158; Толстой 1949: 224). Когда в начале 1858 г. он предложит Боткину издавать уже особый, совершенно новый журнал в духе чистого искусства,

утверждая, что «деньги для издания дадим все – Тургенев, вы, Фет и я и т. д.» (Толстой 1949: 249), его приятели отреагируют скептически: как заметит Дружинин, «наш круг не трудолюбив, а денег приходится ему занять у французского короля...» (Толстой 1978: 276). Это, конечно, делало форму аренды чего бы то ни было более привлекательной по сравнению с обычной покупкой. Во-вторых, собственно покупка интересующих Толстого объектов могла быть невозможной: государство могло быть не заинтересовано в передаче «четверти» казенных лесов в частные руки⁴, а Некрасов (да и Плетнев) – в действительном отказе от приносящего доход и пользующегося успехом журнала⁵.

Однако поскольку Толстому в целом свойственно находить для своих поступков какую-то концептуальную – обычно религиозную – мотивацию, возникает соблазн подумать над тем, не лежит ли таковая и в основе данных проектов. Соответственно, закономерен вопрос об идеологическом и «философском» смысле арендной формы экономических отношений, о том, корреспондирует ли с идеей аренды определенный тип отношения к жизни или политических убеждений?

В поисках ответа кажется естественным обратиться к той области российской экономики середины XIX в., в которой чаще всего могли реализовываться основанные на аренде отношения или, точнее, применительно к которой вопрос об аренде ставился чаще всего. Мы имеем в виду землепользование, ведь в эпоху подготовки крестьянской реформы земельный вопрос становится самым злободневным, так что суждения по этой теме не могли быть объективны: они так или иначе выдавали идеологические предпочтения судящего. Правда, экономические взгляды могли

---

⁴ Вопрос о политике МГИ в сфере лесопользования требует специального рассмотрения. На самом деле, Муравьев допускал возможность приватизации казенной собственности, однако его планы в полном объеме осуществлены не были.

⁵ Вообще вопрос о «доходности» «Современника» достаточно сложен: М. С. Макеев, обратившись к анализу конторских книг журнала, доказывает его скрытую убыточность, однако связывает ее не с отсутствием или недостатком подписчиков, а с «нерациональной» финансовой политикой самого Некрасова как редактора (см.: Макеев, *в печати*).

корреспондировать с политической платформой весьма причудливым образом: еще Эйхенбаум, рассуждая о позиции Толстого по крестьянскому делу, отмечал, что политический консерватизм мог соседствовать с экономическим либерализмом (см.: Эйхенбаум 2009: 282), но сам факт пусть даже сложной корреляции бесспорен. Проанализировав, насколько предпочтение арендной формы взаимоотношений с, условно говоря, деловыми партнерами и государством маркировало идеологию арендатора, мы затем обратимся к хозяйственной практике Толстого в деревне и проанализируем ее под тем же углом. Это, в свою очередь, снабдит нас более надежным инструментом для оценки его арендаторских проектов, позволит выявить ту общую модель, которая лежит в их основе.

2

Два самых часто обсуждаемых (в том числе, когда речь идет о Толстом)⁶ сценария решения земельного вопроса – это, конечно, освобождение «с землей» и «без земли». Первый традиционно считается «прогрессивным», второй – «ретроградным». И тот, и другой вроде бы не предполагают аренды земли: в первом случае она передается крестьянам, во втором – остается у помещика. Однако, обратившись к специальным историческим исследованиям, мы увидим, что в действительности ситуация была гораздо более своеобразной и запутанной⁷.

Согласно Манифесту и Положениям 19 февраля 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, крестьяне были освобождены «с землей». Точнее, в течение 49 лет с момента заключения договора с помещиком они должны были выкупать земельный

---

⁶ См.: Эйхенбаум 2009: 281–294. О хозяйственной и общественной деятельности Толстого в деревне в 50–60-е гг. см. также, напр.: Крайнева 1980: 164–172; Крутиков 1999: 352–357; Крутиков 2000: 378–382; Тарасов 1953: 214–220; Тарасов 1978: 180–190; Easley 2003: 1–18.

⁷ Главной опорой в исторических разысканиях нам будут служить классические исследования Л. Г. Захаровой, И. А. Христофорова и М. Д. Долбилова; см.: Долбилов 2002; Захарова 1984; Христофоров 2002; Христофоров 2011.

надел, внося выкупные платежи государству, которое, в свою очередь, брало на себя обязательство возместить помещикам 75–80% стоимости отходящей от них земли путем выдачи им долгосрочных ценных бумаг. Тем самым государство гарантировало помещику компенсацию убытков, на которую тот едва ли мог надеяться, получай он всю сумму выкупных платежей непосредственно от крестьян. После окончания выкупа земля должна была перейти в собственность крестьянина или общины⁸.

Однако такое решение было найдено не сразу. План наделения крестьян полевыми наделами на правах частной собственности был принят только 4 декабря 1858 г. До этого момента основополагающим документом, определяющим правительственный курс по крестьянскому делу, был Высочайший рескрипт на имя виленского военного губернатора В. И. Назимова от 20 ноября 1857 г. Рескрипт и сопутствующее ему министерское «отношение» предполагали возможность личного освобождения крестьян и выкупа ими усадебной (прилегающей к дому) земли, то есть о выкупе полевых наделов речь еще не шла. Полевой надел предоставлялся крестьянину в пользование (постоянное или временное – неясно), за что он должен был уплачивать деньги или отбывать работу помещику. Этот компромиссный вариант освобождения хотя и был спустя год отвергнут правительством, сделался весьма популярен среди консерваторов. К середине 50-х гг. сторонников безземельного освобождения оставалось не так уж много: не только и не столько по причинам морального характера, но и потому, что, во-первых, «птичья», безземельная свобода была чревата бунтом, а во-вторых – не выгодна помещику экономически. Лично свободные и лишенные земли крестьяне могли просто уйти от помещика в поисках заработков, оставив его без вольнонаемных работников для обработки его собственных угодий. За крестьянскую «мобильность» ратовали преимущественно представители так

---

⁸ Вопрос о том, кем видели реформаторы свободного крестьянина – частным собственником или членом общины, является одним из самых обсуждаемых в современной науке. По всей видимости, законодатели намеренно оставляли этот вопрос открытым. См.: Долбилов 2002: 128–146; Христофоров 2011: 168–177.

называемой «аристократической оппозиции», состоящей из богатых землевладельцев, пропагандировавших развитие крупных аграрных хозяйств (см.: Долбилов 2002: 72–74, 80; Христофоров 2002: 43–50). Средние же и мелкие помещики, более озабоченные ситуацией в собственной деревне, чем «видами России», склонялись к тому, что крестьян лучше как-то привязать к земле – например, позволив им выкупить или предоставив в пользование определенный надел, но желательно небольшой, чтобы те по-прежнему нуждались в работе на помещика.

Впрочем, и «аристократы» в качестве примера образцовой организации земельных отношений нередко приводили английский вариант – фермерство, т. е. сдачу лендлордами участков земли отдельным арендаторам: «Идея <...> о благотворности фермерских хозяйств станет одной из популярнейших в среде консервативного дворянства. Подобно тому, как попечительство вотчинника противопоставлялось независимому от него крестьянскому самоуправлению, индивидуальное, фермерское владение считалось альтернативой владению общинному» (Христофоров 2002: 43). Такая форма хозяйствования оправдывалась, во-первых, идеологически: защитники идеи пользования крестьян землей утверждали, что это позволило бы сохранить патриархальные, почти «родственные» и подлинно христианские связи между землевладельцем и землепользователем. Во-вторых, эта идея имела важную экономическую составляющую, позволяя помещику и после освобождения крестьян регулировать ряд вопросов земельно-распределительного, налогового и другого рода. Таким образом, защитники идеи «попечительства» оказывались в экономическом отношении либералами, поскольку решительно защищали развитие индивидуальных хозяйств и частную собственность, противопоставляя их «устаревшему» общинному типу хозяйствования.

Легко объяснить, почему община казалась консерваторам опасной, конкурирующей с помещичьей формой местного управления. В пореформенных условиях она могла стать таким посредником в отношениях крестьянина и государства, который делал

бы фигуру помещика ненужной, принимая на себя решение всех возникающих в деревне проблем. В то время как арендные отношения предполагали прямой и индивидуальный подход помещика к крестьянину, община позволяла крестьянину добиться независимости от бывшего владельца. К тому же, идея общинного землепользования скрывала социалистическую подоплеку. Так, Чернышевский в статьях «О поземельной собственности» (Современник, 1857, №№ 9, 11) и «Критика философских предубеждений против общинного владения» (Современник, 1858, № 12) демонстрировал, что общинное хозяйство должно предполагать и государственную собственность на землю. В настоящее время, писал он, в силу развития промышленно-торговой деятельности и спекуляции частная собственность на землю (при которой человек владеет землей, на обработку и улучшение которой он затратил свой капитал) заменяется новой системой – фермерством по контракту: «при ней рента, возвышающаяся вследствие улучшений, производимых фермером, идет в руки другому лицу, которое или вовсе не участвовало, или только в самой незначительной степени участвовало своим капиталом в улучшении земли, а между тем пользуется всею прибылью, какую доставляют улучшения» (Чернышевский 1950а: 378). Считая такую систему несправедливой, Чернышевский приходит к выводу, что бороться с фермерством можно только посредством общины: «Общинное владение становится единственным способом доставить огромному большинству земледельцев участие в вознаграждении, приносимом землею, за улучшения, производимые в ней трудом» (Чернышевский 1950: 378). Рисуя идеальный тип хозяйствования, Чернышевский заключает, что «государственная собственность с общинным владением из всех форм собственности наиболее подходит к этому идеалу» (Чернышевский 1948: 434). К 1880-м гг. в правительственных кругах произойдет отчасти сходный идеологический поворот: поскольку значительная часть крестьян по-прежнему будет выплачивать (а чаще – не выплачивать) выкупные платежи, взносы приобретут характер скорее уплаты налога за землю, чем выкупа. По мнению общественного деятеля Д. Ф. Самарина, «выкупная

операция <...> никогда не была и не могла быть выкупом земли, а была выкупом повинности <...> Таким образом... право крестьян на земельный надел основывается не на *покупке*, а на *отводе его властью государства*, и наделная земля имеет характер собственности общественной»; «общественная собственность есть только вид собственности государственной» (цит. по: Христофоров 2011: 316).

Но уже и в период подготовки реформы правительство обвинялось в сговоре с революционной партией, воспринималось как сила, преследующая цель изъять у помещиков их собственность и направить ненависть крестьян на бывших владельцев. С точки зрения консерваторов, в идеале отношения помещика и крестьянина должны основываться на добровольных сделках, а не на директивном распоряжении сверху, предполагающем единую схему общероссийского, одновременного освобождения крепостных. Сказывалось здесь и то отрицательное отношение к чиновничеству, которое нашло отражение и в русской литературе от «Капитанской дочки» до «Войны и мира». Противники реформы полагали, что правительство стремится «узурпировать» право на крестьян (в юридическом и экономическом смысле) точно так же, как ранее уже узурпировало необъятные природные ресурсы. По мнению одного из столпов «аристократической» оппозиции гр. В. П. Орлова-Давыдова, само «крепостное право обусловлено тем, что государство считало нужным удерживать в своем владении огромные пространства казенной земли, изъяс их из сферы товарного производства» (цит. по: Христофоров 2002: 44). Соответственно, консерваторы оказывались сторонниками обратного процесса – приватизации. Передача казенных ресурсов в частную собственность позволила бы, по их мнению, изыскать огромные средства, необходимые для проведения крестьянской реформы – особенно если государство взяло бы на себя выкуп земли у помещика, что в условиях дефицита бюджета казалось почти неосуществимым.

Парадокс состоит в том, что, выдвигая подобные требования, консерваторы должны были признать, что без правительственного

посредничества освобождение невозможно. Они все больше осознавали, что, чем бесконечно выбивать платежи за землю непосредственно у крестьян (которые, почувствовав себя свободными, могли отказаться вообще что-либо кому-либо платить), лучше сразу или в обозримые сроки получить пусть даже «плохие» деньги от правительства (см.: Христофоров 2002: 140–141). Это, однако, предполагало согласие на выкуп земли. Иными словами, при переводе проблемы освобождения из абстрактно морального в практическое русло желанная дистанцированность от правительства, идея пользования землей и «попечительский» взгляд на крестьян оказывались мечтательством. Поэтому постепенно в среде рядовых помещиков идея пользования землей вытесняется идеей «развязки» с крестьянами. Правительство и помещики как бы поменялись позициями: если первое со временем стало склоняться к идее предоставления земли крестьянам в бессрочное пользование (напомним, что освобождение 1861 г. и предполагало добровольный, а не обязательный выкуп), то помещики все больше требовали четко определить границы их владений, выплатить им причитающиеся деньги (желательно, наличными) и окончательно избавить их от крестьян, т. е. делались активными сторонниками обязательного выкупа. «Макиавеллианский», по выражению Долбилова, план реформаторов и состоял в том, чтобы, пойдя навстречу идее «пользования», настолько запугать помещиков невыгодами его последствий, чтобы те сами запросили выкупа (см.: Долбилов 2002: 109–110, 115).

3

Этот исторический экскурс был необходим, чтобы разобраться в экономической и политической платформе Толстого второй половины 50-х гг., и логичным переходом от «теории» к пониманию толстовских арендаторских проектов будет обращение к его собственной помещичьей практике этого времени, попыткам реформировать отношения с крестьянами Ясной Поляны. Традиционный подход к этому сюжету, опирающийся на дихотомию

«освобождение с землей / без земли», в данном случае не работает, и именно он-то и не позволял увидеть в «аграрной политике» Толстого нечто подобное его проектам по аренде «Современника» и лесов.

Напомним основные вехи толстовской деятельности в деревне в 1856–58 гг. Весной 1856 г. Толстой пишет очень либеральный, как принято считать, проект освобождения, где предлагает передать крестьянам землю за выкуп (об этом см. также: Красносельская 2010: 92–96). В конце мая – начале июня он пытается осуществить эту программу, однако крестьяне отказываются от его предложений, не желая даже переходить с барщины на оброк, поскольку надеются на получение всей земли даром после коронации Александра II. К тому же, толстовский проект таил изъян, который, очевидно, также смущал крестьян, превращая предложенный им план освобождения в нечто эфемерное. Поскольку имение Толстого, подобно большей части имений в России, было заложено, то для его выкупа требовалось от 24 до 30 лет. Поэтому Толстой предлагал крестьянам на протяжении этого срока выплачивать как выкупные платежи, так и наемную стоимость земли правительству, а по выкупу земли она переходила в их частную собственность. Столь «отсроченная» свобода сильно не понравилась крестьянам (как будет и после освобождения 1861 г.): «Яков, белобрысый бойкий мужик, сказал, что никто не доживет до этого срока» (Толстой 1935с: 253). Таким образом, можно было либо отпустить крестьян сразу без земли (готовность Толстого на такой шаг демонстрирует известное письмо гр. Д. Н. Блудову от 9 июня 1856 г., в котором он выражает страх перед крестьянским восстанием и защищает безземельное освобождение; см. Толстой 1935с: 256), либо отсрочить свободу на годы, на протяжении которых крестьяне были бы не столько собственниками, сколько нанимателями земли. Причем в данном случае даже не вполне понятно, у кого они ее нанимают – у Толстого или государства? Так или иначе, Толстой в глазах крестьян оказывался «аферистом» (Толстой 1937: 77), самозванным посредником между ними и государственной властью, от которой они надеялись получить землю бесплатно и в скором будущем.

В результате Толстой приходит к выводу, что договориться об освобождении со всеми вместе и одновременно невозможно. В неудаче своего предприятия он винит не только либералов, под влиянием которых находился весной 1856 г., но и общину. Если по приезду в деревню Толстой настаивал на том, «чтоб дело я имел не с каждым отдельным крестьянином, а с обществом» (Толстой 1935с: 249), то постепенно он соглашается на то, чтобы «идти на оброк тем, которые хотят» (Толстой 1935с: 253). Ему все больше кажется, что вести переговоры с крепостными можно только в индивидуальном порядке, начав с наиболее понятливых и добросовестных. 13 июня он записывает: «С завтрашнего дня пойду по всем мужикам; узнаю о их нуждах и буду отдельно уговаривать в обязанные» (Толстой 1937: 81).

Эта схема приносит плоды: Толстой решает постепенно просто перевести крестьян с барщины на оброк («Контракт с ними невозможен, я решил одно – оброк». – Толстой 1935с: 258) и к осени 1857 г. налаживает хозяйство так, что, «будь завтра освобождение, я не поеду в деревню, и там ничего не переменится. Крестьяне платят мне за землю, а свою я обрабатываю вольными» (Толстой 1949: 233). По сути он приходит почти к такому типу отношений с крестьянами, который напоминал рескрипт Назимову и который, как кажется, устроил его даже больше, чем передача земли в собственность крестьянам. В неоконченном «Лете в деревне» (сентябрь 1858 г.), он, описывая свои планы по облегчению участи крестьян летом 1858 г., отмечает, что он «с новым рвением принялся за это дело», «когда случилось так счастливо, что основания освобождения, изложенные в Рескрипте, сходились совершенно с теми, которые я сам положил себе» (Толстой 1935b: 262).

Итак, в своих хозяйственных начинаниях Толстой проходит следующий путь: желание освободить крестьян с землей сменяется осознанием возможности даровать им лишь безземельную свободу, вследствие чего вырабатывается компромиссный вариант, позволяющий уменьшить социальную напряженность. Крестьяне получают некое подобие независимости от помещика, поскольку уже не обязаны обрабатывать его землю (как было при

барщинном хозяйстве); формула же «крестьяне платят мне за землю», как кажется, подразумевает, что взносы за находящиеся в крестьянском пользовании наделы рассматриваются Толстым даже не столько в качестве обязательной повинности (оброка), сколько в качестве арендной платы за земельные участки (ренды). Правда, Чернышевский, например, в статье 1-ой «О новых условиях сельского быта» (Современник, 1858, № 2) решительно протестовал против восприятия оброка как шага на пути к замене обязательного труда поземельной рентой (см. Чернышевский 1950b: 103–104), однако сам факт такого восприятия ренты оппонентом Чернышевского, влиятельным экономистом Л. В. Тенгоборским, подтверждает, что такого рода сближения, во-первых, делались, а во-вторых – воспринимались как проявление консерватизма. Важно, что об успешном устройстве дел в деревне Толстой сообщает в то же самое время, к которому относятся и его арендаторские проекты; более того, об этом говорится в том же письме Боткину и Тургеневу, в котором упоминается о «предприятии касательно лесов».

Как уже говорилось, в декабре 1858 г. была принята государственная программа освобождения крестьян с землей, заменившая рескрипт Назимову. Возможно, еще не зная об этом, но поддаваясь на усилившиеся вследствие этого решения слухи об отдаче земли крестьянам, Толстой пишет «Записку о дворянском вопросе» (об этом см.: Красносельская 2014: 15–28). В ней он упрекает правительство за следование уже устаревшему, несовершенному рескрипту, требует выкупа земли крестьянами и обнародования финансовых подробностей его проведения, которые, заметим, даже в распоряжении от 4 декабря отсутствовали. Видимо, упомянутое выше «Лето в деревне» потому и не было закончено, что в середине 1858 г. Толстой уже перестал полагаться на основания рескрипта: в сентябре 1858 г. он подписывает так называемое «Мнение 105 тульских дворян о наделе крестьян землей», в котором было выражено требование наделить крестьян землей и вознаградить помещиков посредством «финансовой меры, которая не влекла бы за собою никаких обязательных отношений между крестьянами и помещиками» (Современник 1858: 300–302).

Означает ли требование выкупа, что Толстой отказывается от «арендной» программы как оптимальной и вновь солидаризируется с либералами? Скорее нет. Как мы уже отмечали, такая эволюция – от защиты безземельной свободы – к идее пользования и, наконец, к требованию выкупа – была естественной и типичной как раз для консерватора. То, что было либерально в 1857 г. (выкуп), в конце 1858 г. оказывалось консервативно. История крестьянского дела сложна именно тем, что позиции вовлеченных в этот процесс лиц определялись не столько общими требованиями (выкупа, пользования, аренды и т. д.), сколько мотивировкой этих требований, временем их выдвижения и множеством других факторов. Толстой склоняется к идее выкупа в конце 1858 г. по той же причине, по которой в июне 1856 г. требовал безземельного освобождения – в силу желания поскорее решить затянувшийся вопрос и не допустить его кровавой развязки. В то же время само слово «выкуп» понимается им своеобразно – примерно в том же смысле он мог мечтать о «выкупе» «Современника». Об этом свидетельствует характерная оговорка в тексте «Записки о дворянском вопросе»: дворянство, пишет Толстой, «не отстаивая права на личность [крестьянина], наткнулось на пробел в обеспечении за землю и замедлило ход дела. Кто заплатит за право собственности или, пожалуй, права пользования, за землю, которую от нас отнимают? – спрашивает это большинство» (Толстой 1935а: 268).

Понимание права собственности как «пожалуй, права пользования», а не как настоящего выкупа земли, а также акцентирование того, что правительство «отнимает» землю у помещиков, в очередной раз подчеркивает уверенность Толстого в исторической и юридической принадлежности земли помещику и, соответственно, его убеждение, что именно передача земли в аренду крестьянам (при твердых гарантиях ее оплаты, конечно) являлась бы оптимальным решением.

Толстой оказывается вполне последователен в следовании консервативным взглядам на освобождение, в том числе в следовании противоречиям этого лагеря. Рассуждая, «кто заплатит за землю, отчуждаемую от помещиков» (Толстой 1935а: 266–267),

он обращается к идее, которую мы уже встречали у «аристократов», намекая на то, что государство неправомерно присвоило себе природные богатства и другие ресурсы: «То самое наше правительство, которое постоянно акапарировало в казенные руки всякого рода собственность: заводы, леса, земли и т. п., теперь упорно отказывается от принятия в свое ведение помещичьих крестьян с их землями и взыскания с них выкупа, который оно признает справедливым»; «Да пускай правительство, имеющее больше нас средств, получит эти деньги, мы ему верим, а сами не видим возможности взыскивать с крестьян, при новом их положении и при старом положении полиции: подати, как бы дешево мы ни оценили землю, в 4 [раза] больше, чем те, которые платят рядом государственные крестьяне» (Толстой 1935а: 268–269).

Это требование тем более курьезно (укладываясь в рамки идеологического поля, которое мы очертили), что первая часть «Записки» представляет собой гневную отповедь правительству, которое разрывает давнюю связь помещиков и крестьян, присваивая себе заслугу освобождения. Но в процитированном фрагменте Толстой требует, чтобы то же самое правительство, присвоившее себе природные богатства, приняло бы в свое ведение и крестьян, не забыв выплатить за них деньги помещикам (при том, что деньги можно было получить как раз за счет приватизации госимущества, поскольку быстро собрать их с крестьян было невозможно).

В целом же, несмотря на эту парадоксальную апелляцию к правительству и нежелание заниматься «техническими» деталями освобождения, Толстой, конечно, считал претензии государственной власти на «души» крестьян неприемлемыми как в экономическом, так и в нравственном смысле. Разрабатывая план выкупа «Современника», Толстой, напомним, надеялся на успех «и моральный и вещественный – именно потому, что последний стоял бы на втором плане» (Литературное наследство 2008: 238). Точно так же и прочные отношения с крестьянами для него предполагают единство фактора «морального» и «вещественного» – «и именно потому, что последний стоял бы на втором плане». Таковую, наиболее предпочтительную для Толстого схему отношений с крестьянами

демонстрирует самый первый документ, отражающий увлечение писателя крестьянским делом – так называемая «Заметка о фермерстве», написанная весной 1856 г. В ней Толстой выступает за передачу земли еще не общине, а индивидуальным собственникам (фермерам), с тем чтобы помещик сохранил свою руководящую роль в деревне:

«Фермерство с оставлением земледельцов собственниками таких участков, при которых они не были бы поставлены в необходимость искать средств к пропитанию. –

При контракте всегда одна сторона имеет более прав и влияния на другую, и одна зависит от другой. –

В отношении контракта по обработке поземельной собственности, справедливее, чтобы работающая имела большее влияние. Так надо освободив крестьян поставить их. Для этого укрепить за ними необходимое количество земли. Укрепив ее, помещик будет в зависимости от их работы и принужден будет, – большой по величине, малый по незначительности, – отдать им. Кому он отдаст? Не всем равно. Способнейшим. – Выходит фермерство с собственностью. – Дворянин не может быть земледельцем, ибо будет на равне с низшим классом – вражда; демократия невозможна по неравенству образования. Двор[янин] будет же защит[ником] крестьян, потому что его земля будет в руках их» (Толстой 1935с: 241).

Как мы видим, несмотря на неоднократное повторение слова «собственность», Толстой и здесь использует терминологию, характерную для арендных отношений («контракт» по «обработке собственности», «его земля будет в руках их»), что мотивирует осторожный выбор тех, кому земля будет предоставлена. Очевидно, идеальная схема освобождения по Толстому выглядит как «личная свобода + пользование чужой собственностью». При таком варианте крестьянин оказывается обязан помещику «попечением» (юридическим, образовательным), а помещик крестьянину – заботой о его земле. Такой тип взаимоотношений способствовал бы не только благополучию, но и росту самосознания «способнейших» крестьян, в настоящий момент сдерживаемому общиной. Заметим, что сходные

идеи о нравственных обязанностях помещика развивал брат Толстого Дмитрий, составивший в 1849 г. записку под названием «Мои предположения хозяйственные деревни Щербачевки», сохранившуюся в архиве писателя. В ней Д. Н. Толстой называет себя «божественным хранителем, защитителем и руководителем на пути их <крестьян. – Ю. К.> земного звания» (цит. по: Гусев 1954: 662).

4

Возвращаясь к «арендаторским» проектам и рассматривая их в свете вышесказанного, мы видим, что осенью 1857 г. и личная практика Толстого, и правительственные распоряжения располагали к выбору им арендных (или «постоянно-пользовательских») отношений в качестве приоритетных. Данные проекты предполагали примерно такую же расстановку участников и идейную нагрузку, что и популярная в этот момент стратегия решения земельного вопроса. Толстому важно, чтобы улучшение, совершенствование того, что, с его точки зрения, нуждается в улучшении (участки под лесонасаждение или журнал «Современник») совершалось на чужой, не принадлежащей ему «территории». Журнал в духе чистого искусства должен быть именно «Современник», а не новый журнал; лесоразведением он не хочет заниматься только на принадлежащих ему землях, а хочет получить под этот проект «четверть России». В основе этих замыслов лежало, на наш взгляд, филантропическое представление молодого Толстого о необходимости совершенствовать то, чему он так или иначе обязан. Очевидно, что настойчивое желание арендовать «Современник» было обусловлено стремлением возродить подлинное направление некрасовского журнала, которое, с толстовской точки зрения, было искажено Чернышевским. Как член «обязательного соглашения» и писатель, обязанный своей славой «Современнику», Толстой чувствовал себя ответственным за судьбу журнала. Не случайно в это время он пытается и изнутри, безо всякого выкупа «перенаправить» «Современник» в эстетическое русло (об этом см.: Красносельская 2011: 190–200). Толстой и прежде пытался исполь-

зовать «Современник» для реализации собственных замыслов: когда в 1855 г. потерпел неудачу замысел журнала для солдат, Толстой обращается к Некрасову, предлагая ежемесячно предоставлять ему определенное число статей военного содержания при условии, что тот обязуется «печатать тотчас же все, что я ни пошлю вам» (Толстой 1935е: 297). Как тогда, так и теперь Толстому требуется чужая «площадка» для воплощения своих масштабных проектов, но при этом он стремится выговорить себе на ней полную свободу. Только он знает, как привести «Современник» к его «подлинному» направлению. Удерживать же его от анархического произвола на чужой территории должно чувство благодарности тем, кто ему ее предоставил, память о совместной работе: он помнит, что «Современник» – это журнал со своей историей, которую он и стремится поддержать, развить по мере своего ее понимания. Сходным образом крестьяне, получив возможность обрабатывать нужное им количество земли, должны не забывать, что исторически и юридически она принадлежит все-таки не им, а помещику, а возможностью не забывать они будут обязаны тому интеллектуальному и нравственному развитию, которое обеспечит им помещик.

Примерно тот же механизм имеет место в случае с лесонасаждением. Толстой доказывает выгодность предложенного им типа лесоразведения не только для предпринимателя, но и для государства, но требует, чтобы МГИ в течение срока аренды предоставило ему полную независимость на вверенных участках. В написанном после отклонения лесного проекта письме Зеленому от 16 апреля 1858 г. Толстой рассуждает, отчего огромный капитал, находящийся в земле и лесах, приносит убыток и основную причину этому находит в госмонополии (см.: Толстой 1949: 262). Сторонняя власть ему нестерпима так же, как и государственное вмешательство в дело освобождения, нивелирующее его заслуги перед крестьянами. В случае же с лесоразведением гарантией того, что предприниматель исполнит свои обязательства, а не испортит почву, является ограниченность аренды 9 годами и залог, который он предоставляет в МГИ.

Таким образом, толстовские проекты являлись не просто чудачеством, как решили его «литературные друзья», или выражением крайнего консерватизма. Им, как мы попытались показать, был присущ идейный подтекст, позволяющий видеть в Толстом скорее даже человека, озабоченного не только собственной выгодой, но и выполнением гражданских обязательств, веру в которые он под влиянием общественного подъема 1856 г. разделяет со своими современниками. Толстой стремится не к радикальной переделке действительности, а к развитию данного с учетом его исторических корней, с учетом всего того, что *связывает* человека с прошлым, с народом, с государством, с природой. Идею «аренды» в толстовском понимании мы бы определили как попытку примирения, а не разъединения общественных сил, как редкую для Толстого попытку «встроить себя в систему». Любой проект, дарующий полную независимость одного из его участников от другого или вводящий ненужных посредников, разрушает эту хрупкую общественную гармонию, эту раннюю толстовскую утопию о братском сосуществовании людей разных сословий.

Неудача всех этих замыслов болезненно переживается Толстым, толкая его в сторону тотального отрицания, демонстративного отказа от социальных обязательств и требования «развязки». Так появляется у Толстого идея безземельного освобождения или обязательного выкупа; так весной 1858 г. он решительно отказывается использовать в качестве рупора «чистого искусства» «Библиотеку для чтения», настаивая уже на необходимости журнала без какой бы то ни было истории (см.: Толстой 1949: 267). В это же время он признает и невозможность реализации проекта лесонасаждения, написав, но так и не отправив свои возражения министерским чиновникам, отвергнувшим его проект. Идея возвращивания чего-то живого, нового на подготовленной, удобренной им почве заменяется во время подобных «кризисов» ощущением, что никто никому ничем не обязан. Толстовский уход в 1859 г. из литературы и общественной жизни во многом явился закономерным следствием этого ощущения. Добавим, что и художественные произведения Толстого второй половины 1850-х – начала 1860-х гг. отображают

борьбу между двумя этими контрастными представлениями об отношениях личности и социума. Описание этой борьбы на литературном материале, воссоздание «арендаторской» модели миропонимания в толстовских рассказах этого времени – задача нашего будущего исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анненков П. В. 2005. Письма к И. С. Тургеневу. – Серия «Литературные памятники». Кн. 1. 1852–1874 / Изд. подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб.: Наука.
- Брынзов А. Е. 1992. «Лесной проект» Л. Н. Толстого. – Яснополянский сборник. Тула: Музей-заповедник Л. Н. Толстого «Ясная поляна». С. 200–205.
- Гусев Н. Н. 1938. К истории проекта лесонасаждения Л. Н. Толстого. – Летописи Государственного Литературного музея. Кн. 2. М.: Издательство Государственного Литературного музея. С. 262–265.
- Гусев Н. Н. 1954. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год / Отв. ред. М. К. Добрынин. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Густафсон Р. Ф. 2003. Обитатель и Чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого. СПб.: Академический проект.
- Долбиллов М. Д. 2002. Земельная собственность и освобождение крестьян. – Собственность на землю в России: История и современность / Под общ. ред. Д. Ф. Аяцкова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). С. 45–152.
- Захарова Л. Г. 1984. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. М.: Издательство Московского государственного университета.
- Крайнева И. Н. 1980. К изучению крестьянского вопроса в раннем творчестве Л. Н. Толстого (Из архивных источников). – Русская литература. № 2. С. 164–172.
- Краснов Г. В. 1976. К расколу редакции «Современника» в 50-е годы XIX в. (по новым материалам). – Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию академика М. А. Нечкиной: Сборник статей / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука. С. 115–126.

- Красносельская Ю. И. 2008. Символика природы в творчестве Л. Н. Толстого 1850–60-х гг. в контексте литературных и общественно-политических полемик эпохи. Дисс. ... канд. фил. наук. М.
- Красносельская Ю. И. 2010. Свобода «отсроченная» и «немедлительная» (к вопросу о становлении идеи повести Л. Н. Толстого «Альберт»). – Материалы III Толстовского конгресса «Л.Н. Толстой и мировая культура». М.: Институт языков и культур им. Льва Толстого. С. 92–96.
- Красносельская Ю. И. 2011. «Альберт» Л. Н. Толстого как повесть для «Современника» (о литературном контексте и способах его создания). – Эпические жанры в литературном процессе XVIII–XXI веков: забытое и «второстепенное». VII Майминские чтения. 5–9 октября 2011 г. Т. 1. Псков: Издательство ООО «Логос-Плюс». С. 190–200.
- Красносельская Ю. И. 2014. Правительственные распоряжения по крестьянскому делу как источник «Записки о дворянском вопросе» Л. Н. Толстого. – Яснополянский сборник 2014. Т. 1. Тула: Музей-усадба Л. Н. Толстого «Ясная поляна». С. 15–28.
- Крутиков В. И. 1999. Л. Н. Толстой и яснополянские крестьяне (Попытка освобождения до реформы 1861 г.). – Яснополянский сборник 1998. Тула: Издательский дом «Ясная поляна». С. 352–357.
- Крутиков В. И. 2000. Освобождение крестьян Ясной Поляны в 1861 г. – Яснополянский сборник 2000. Тула: Издательский дом «Ясная поляна». С. 378–382.
- Литературное наследство 2008. Переписка А. А. Фета с В. П. Боткиным. 1857–1869 / Вступительная статья, публикация и комментарии Ю. П. Благовоиной. – А. А. Фет и его литературное окружение. Серия «Литературное наследство». Т. 103. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН. С. 156–542.
- Макеев М. С. 2009. Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М.: МАКС Пресс.
- Макеев М. С. Конторские книги «Современника» 1860–1865 гг. – Некрасовский сборник. Вып. 15. СПб.: Наука (в печати).
- Мельгунов Б. В. 1984. К истории некрасовского «Современника» (1865–1867). – Русская литература. № 3. С. 178–188.
- Некрасов Н. А. 1997. <Проект возможной передачи «Современника» в аренду>. – Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: В 15-ти тт. Т. 13, кн. 2: Материалы редакционно-издательской и общественной деятельности. Открытые письма. Автобиографические записи. Семейно-имущественные документы и прочее. СПб.: Наука. С. 255–256.

- Орвин Д. Т. 2006. Искусство и мысль Толстого. 1848–1880. СПб.: Академический проект.
- Семенов К. С. 1954. История лесов Ясной Поляны за сто лет и задача сохранения и восстановления их. Автореферат дисс. ... канд. с.-х. наук. М. Современник 1858. № 12. Современные заметки. С. 300–302.
- Тарасов Н. 1953. Документы о Л. Н. Толстом. (Обзор материалов, хранящихся в государственном архиве Тульской области). – Литературная Тула. Литературно-художественный и публицистический альманах. Кн. 7–8. Тула: Областное книжное издательство. С. 214–220.
- Тарасов Н. П. 1978. Документальные материалы Л. Н. Толстого и о Л. Н. Толстом, хранящиеся в Государственном архиве Тульской области. – Толстой в Тульском крае. Тула: Приокское книжное издательство. С. 180–190.
- Толстой Л. Н. 1935a. [Записка о дворянстве]. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 5. М.: Художественная литература. С. 266–270.
- Толстой Л. Н. 1935b. Лето в деревне. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 5. М.: Художественная литература. С. 262–265.
- Толстой Л. Н. 1935c. [Писания, относящиеся к проекту освобождения яснополянских крестьян]. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 5. М.: Художественная литература. С. 240–258.
- Толстой Л. Н. 1935d. [Проект по лесному хозяйству]. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 5. М.: Художественная литература. С. 259–261.
- Толстой Л. Н. 1935e. Письма 1844–1855. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 59. М.: Художественная литература.
- Толстой Л. Н. 1937. Дневники и Записные книжки 1854–1857. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 47. М.: Художественная литература.
- Толстой Л. Н. 1949. Письма 1856–1862. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 60. М.: Художественная литература.
- Толстой Л. Н. 1978. Переписка с русскими писателями / Сост., вступительная статья и примечания С. А. Розановой. Т. 1. М.: Художественная литература.
- Тургенев и круг «Современника» 1930. Из писем к Тургеневу Д. Я. и Е. Я. Колбасиных / Подг. Е. П. Населенко и М. Н. Мотовиловой. – Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы 1847–1861. М.; Л.: „Academia“. С. 243–362.
- Христофоров И. А. 2002. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. (Конец 1850 – середина 1870-х гг.). М.: Русское слово.

- Христофоров И. А. 2011. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Издательство «Собрание».
- Чернышевский Н. Г. 1948. О поземельной собственности. – Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15-ти тт. Т. 4. М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 349–469.
- Чернышевский Н. Г. 1950а. Критика философских предубеждений против общинного владения. – Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15-ти тт. Т. 5. М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 357–392.
- Чернышевский Н. Г. 1950б. О новых условиях сельского быта. (Статья 1). – Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15-ти тт. Т. 5. М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 65–107.
- Эйхенбаум Б. М. 2009. Лев Толстой: Исследования. Статьи / Сост., вступительная статья, общ. ред. проф. И. Н. Сухих; комментарии Л. Е. Кочешковой, И. Ю. Матвеевой. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ.
- Costlow, J. 2003. Imaginations of Destruction: The “Forest Question” in Nineteenth-Century Russian Culture. – *The Russian Review*. Vol. 62. No. 1. P. 91–118.
- Easley, R. 2003. Count L. N. Tolstoy, Peace Arbitrator 1861–1862. – *Tolstoy Studies Journal*. Vol. XV. P. 1–18.
- Medzhibovskaya, I. 2008. *Tolstoy and the Religious Culture of His Time: A Biography of a Long Conversion, 1845–1887*. Lanham: Lexington Books.